

УДК 94(574)«18/19»

Миссионеры Киргизской православной миссии о степени исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв.²**Лысенко Юлия Александровна**

доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета. 656023 Россия, г. Барнаул, проспект Ленина, 61, ауд. 316. E-mail: iulia_199674@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрывается история формирования религиозной идентичности казахов в к. XIX – н. XX веков. На основе материалов отчетов алтайской и киргизской миссий православной церкви проводится анализ состояния и форм религиозной жизни, дается оценка степени проникновения ислама в быт, культуру казахского народа. В статье так же уделяется внимание осмыслению роли мусульманского духовенства (мусульманских мулл) в организации духовной жизни казахского сообщества, особенностей работы деятелей православной миссии с мусульманским населением на Алтае и казахской степи.

Ключевые слова: ислам; ислам в Казахстане; религиозная политика; исламизация; муллы; распространение православия; Киргизская православная миссия.

На протяжении многих десятилетий в российской и казахстанской историографии остается дискуссионной проблема степени распространения ислама в казахском кочевом обществе в XIX – начале XX в. и его влияния на общественные отношения, семейно-брачную обрядность, религиозное сознание. Как известно, проникновение ислама в кочевую среду тюркоязычных племен Казахстана началось в VII в. в связи с арабским завоеванием Центральной Азии. Однако процесс не принял тотальный характер в силу ряда объективных и субъективных факторов. В результате здесь сложилась ситуация, при которой носителями исламской религиозной традиции выступили социальные верхи кочевого общества, для основной массы кочевников основополагающими являлись языческие культы, особенно культ предков и культ Неба (Тенгри) (Miloslavskiy 1991, S. 24–25).

В 80-90-е гг. XVIII в. Российская империя предприняла попытку искусственного укрепления позиций ислама в казахской степи. Эти меры должны были способствовать интеграции казахского общества в общеимперское пространство, снизить межэтническую напряженность между мусульманскими поволжскими народами – башкирами, с одной стороны, и казахами – с другой, возникающую на почве перераспределения пастбищных угодий. Наконец, исламизация мыслилась как масштабный культуртрегерский проект: привлекаемые мечетями казахи должны чаще посещать русские города и со временем перейти к оседлому образу жизни.

Результаты религиозной политики империи в казахской степи были зафиксированы в исследованиях дореволюционных авторов. Большинство из них признавало факт закрепления позиций ислама в казахском обществе. Так, исследователь XVIII в. П.С. Паллас замечал, что «киргизы содержат магометанский закон» (Pallas 1809, S. 274). По свидетельству И.Г. Георги, «обратившиеся в ислам казахи почитали свою веру» (Georgi 1976, S. 140). В то же время исследователи отмечали, что в целом казахи не были знакомы с «истинным богослужением» и «даже самыми малейшими духовными обрядами» (Ryichkov 1772, S.26). А «Геродот казахского народа» А.И. Левшин в 1832 г. обращал внимание на тот факт, что казахи, отдавая предпочтение

² Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект 15-31-01008 «Русская православная церковь в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи (XIX - начало XX в.). Сборник документов и материалов».

мусульманской религии (тем самым подчеркивалось, что они могли причислять себя и к другим религиозным системам), не отличались фанатизмом, свойственным другим мусульманским народам (Levshin 1832, S. 53). В середине XIX в. крупнейший казахский востоковед Ч.Ч. Валиханов в своих этнографических заметках отмечал: «У киргизов (казахов. – авт.) оно (шаманство. – авт.) смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, они не знали Магомета, верили в Аллаха и, в то же время, в онгонов, приносили жертвы на гробницах мусульманских угодников, верили в шамана и уважали магометанских ходжей» (Valihanov1976, S.44-47).

С середины XIX в. правящие круги Российской империи изменили направление своей религиозной политики в отношении казахского общества – целой серией законодательных актов ими был инициирован процесс сдерживания исламизации казахского общества. Одной из основных причин этих тенденций стало укрепление позиций ислама в казахском обществе. Тенденция представлялась нежелательной в связи с увеличением общей численности мусульман империи после присоединения Кавказа и Средней Азии, а также постоянными русско-турецкими войнами, антицинскими мусульманскими волнениями в Сынцзяне, что могло создать определенные угрозы целостности Российской империи.

Однако процесс исламизации, несмотря на предпринятые правительством меры, набирал темпы. И если в начале XIX в. распространение ислама вызывало недовольство населения степи, поскольку проводниками этой политики являлись татарские муллы, отношения с которыми у казахов всегда были сложные (Sultangalieva 2000, S.2-36), то с середины XIX в., напротив, его ограничение стало рассматриваться как наступление империи на духовную сферу жизнедеятельности казахского общества, как составляющий элемент политики «русификации». Ислам стал выступать для казахов в роли этноинтегрирующего фактора.

Именно поэтому исследователь конца XIX в. И. Гейер считал, что на рубеже XIX-XX вв. ислам являлся господствующей религией в казахском обществе. При этом ученый отмечал, что кочевой образ жизни исключал возможность устройства специальных строений для богослужений, чем, по его словам, и объяснялся его случайный характер у казахов, а отсутствие постоянно функционирующих религиозных учреждений и постоянного духовенства затрудняло в кочевой среде развитие религиозного кругозора и укрепление ислама в его каноническом виде (Geyer 1897, S. 70).

Дискуссия по вопросу о степени распространения ислама среди казахов-кочевников в XIX – начале XX в. перешла и в современную историографию. Некоторой частью казахстанских исследователей гипертрофируется историческая роль ислама в формировании казахской национальной культуры и казахской этнической идентичности (Beubit 2002; Mustafina 1992). Вторая группа исследователей утверждает, что к началу XX в. ислам проник в религиозное сознание казахов поверхностно, принял своеобразные формы, характеризовался сочетанием языческих обрядов и обрядов ислама (Toleubaev 1991; Sabitov 1991; Islam v Rossiyskoy imperii 2001).

Внести некоторую ясность в проблему определения степени проникновения исламской традиции в повседневный быт казахов нам могут дневниковые записи и «Отчеты о деятельности...» (далее отчеты) православных миссионеров Киргизской православной миссии. Миссия была создана по инициативе религиозных и светских властей империи в 1881 г., изначально мыслилась как «противомусульманская», таким образом, главной целью её

деятельности становилось ограничение распространения ислама в казахской степи и пропаганда христианства. Поскольку свою непосредственную работу сотрудники Киргизской миссии осуществляли в казахских кочевьях, периодически посещая их, они имели возможность непосредственно наблюдать и оценивать процесс исламизации казахского общества, более детально отслеживать его динамику. Их выводы находили отражение в ежегодных «Отчетах о деятельности Киргизской миссии», которые миссионеры обязаны были представлять епархиальным властям.

На первом этапе своего существования (1881-1895 гг.) Киргизская миссия являлась составной частью Алтайской Духовной миссии с центром в Бийске (Lyisenko 2006, S. 158-164), которая действовала на территории Алтайского горного округа и административно подчинялась Томским епархиальным властям. В Отчетах... этого периода, прежде всего, характеризуются условия, в которых приходилось вести религиозную пропаганду миссионерам. Они отличались жесткой конкуренцией между православными и мусульманскими проповедниками. Несмотря на запрет властей, татарским муллам вести религиозную деятельность в казахской степи, последние продолжали активно осваивать регион. «По-прежнему они (татары. – авт.) сотнями и тысячами беспрепятственно разъезжают по степи, закрепляя киргизов в приверженности исламу...», «...татары сильно парализуют только зарождающееся ещё слабое влияние миссии. Кроме того, по соседству всех миссионеров, по степи путешествуют фанатики-бухарцы и даже турки, ...эксплуатируя религиозное невежество киргиз».

Из отчетов следовало, что деятельность мусульманских проповедников имела определенные результаты. В отчете за 1891 г. миссионер Киргизской миссии отмечал: «...двадцать лет тому назад (в 1871 г. – авт.) можно было встретить на 1000 только одного киргиза, который бы умел молиться и соблюдать посты (мусульманские. – авт.). Киргизы смеялись тогда над татарами, когда последние молились: им были непонятны и смешны припадания к земле, раскачивания и движения головой вверх и вниз. Теперь, наоборот, на ту же 1000 человек можно встретить одного киргизца, который не молился бы и не соблюдал постов ислама»³. По сообщениям миссионеров, дети богатых казахов имели возможность получить образование в исламских религиозных учреждениях в Бухаре и в Казани. Показательно мнение Филарета Синьковского, миссионера Буконьского стана, который имел многолетний опыт миссионерской работы среди казахов. В 1887 г. он отмечал, что работать среди казахов гораздо тяжелее, чем среди алтайцев, потому что «киргизы, благодаря своей магометанской религии, которая еще в зародыше, но все же развивается и укрепляется в них, враждебно смотрят на переход своих соплеменников в христианство». «Ввиду такого враждебного отношения к христианству, выражающего в преследовании желающих принять крещение, миссионеру иногда приходится ускорять крещение»⁴.

Миссионеры Киргизской духовной миссии, работающие среди казахов, постоянно подчеркивали, что исламизация не принесла ничего положительного казахам-кочевникам. Для этого они довольно часто приводили в отчетах пространные беседы с пожилыми казахами, которые утверждали, что ислам способствовал падению нравов среди казахской молодежи, развивал такие пороки, как пьянство, разгул, неуважение к старшим и т.д. Указывалось, что татарские муллы, работающие в школах, не могли дать достойного

³ Алтайская и киргизская миссии Томской епархии в 1892 г. – Бийск, 1893. - С. 26-27

⁴ Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. – Томск, 1888. - с. 25.

образования казахской молодежи, поскольку вели обучение на арабском языке, незнакомом казахам, а сам процесс обучения сводили к механическому заучиванию Корана⁵.

В то же время практически в каждом их проанализированных нами отчетов Киргизской миссии за период с 1882 по 1895 г. подчеркивалась мысль о том, что на данном этапе не произошло глубокой трансформации языческого религиозного сознания казахов-кочевников под влиянием ислама. Для подтверждения этой мысли часто приводились описания языческих обрядов и культов жизненного и календарного циклов, особенно поминок и связанных с ними конноспортивных скачек (байги), у той части казахов, которая исповедовала ислам. Например, миссионер Большенарымского стана Стефан Борисов в 1891 г. писал: «...киргизы очень скудны сведениями о магометанстве, а те сведения, которыми большинство их них владеет, – не более как круг обрядовых предписаний Корана. ...Мусульманству преданы киргизы настолько, насколько может быть предан человек своей вере, а фанатизма в них вовсе нет. По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут и это – счастье наше! ...нет в них характерной стойкости и решительности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатичные мусульмане. Впрочем, ислам способен перевоспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе»⁶. Таким образом, подчеркивалась идея о том, что в настоящее время еще есть шанс повернуть казахов – полуязычников-полумусульман в лоно православной веры.

В отчетах приводятся также описания взаимоотношений, которые складывались между миссионерами и казахами во время посещений первыми кочевий. В этой связи миссионеры отмечали, что казахи относились к ним с предубеждением, даже с опаской, отказывались приходить на проповеди и даже просто беседовать с миссионерами. Считалось, что соответствующие установки казахами были получены от татарских мулл. Учитывая все эти обстоятельства, миссионеры предлагали комплекс мер, который бы способствовал успешному развитию дела православной миссии.

Во-первых, было предложено выселить с территории Томской епархии, в ведение которой входила Киргизская миссия, «персидских и турецких подданных», занимавшихся пропагандой ислама. В рамках проведения этой акции администрации Алтайского горного округа предлагалось также насильственно выдворять с его территории и казахов, отказывающихся принимать крещение. С начала 90-х гг. XIX в. рекомендации стали претворяться в жизнь. Но судя по архивным данным, этот процесс был весьма болезненным, администрации приходилось действовать очень осторожно. Миссионер Черно-Ануйского отделения Алтайской миссии, на территории которого проживало большое количество казахов, среди них также велась миссионерская деятельность, Филарет Синьковский в этой связи писал: «Киргизы некрещеные, шатаясь без письменного вида по Бийскому округу, занимаются большей частью одним ремеслом – конокрадством. ...нам приходилось читать не одно предписание полицейских чиновников сельскому старосте о немедленном выдворении некрещенных киргиз с угрозой строгой ответственности, но через несколько дней от тех же чиновников следовали предписания «не трогать киргиз» под различными благовидными предложениями»⁷.

⁵ Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 36

⁶ ГААК. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 3

⁷ Записки Алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876–1881 гг. – М., 1883.

Во-вторых, священники миссии указывали на необходимо менять ситуацию, которая способствовала развитию «татарской грамотности». «Так, прошения свои киргизы (казахи. – авт.) подают областной и уездной власти обыкновенно писанные татарским алфавитом, чем оказывается этому языку предпочтение перед языком русским». Выход из ситуации миссионеры видели во введении в учебных заведениях грамоты на русском языке, и в городах, где составляются эти прошения, найти русских писцов. Кроме того, принимать прошения только на русском языке, что «если бы не уменьшило среди киргиз (казахов. – авт.) грамоту татарскую, то во всяком случае усилило бы грамотность русскую»⁸.

В-третьих, действенным средством успешной пропаганды православия священники Киргизской миссии считали «братское объединение их (казахов. – авт.) с русскими, удаление взаимной вражды, ...путь возрождения приходской жизни». Предлагалось также «...иностранческие окраины Российского государства, смежные с чужеземными государствами», заселять

«...только православными, которые одни могут ассимилировать ино-родческий элемент и образовать твердый государственный оплот против чужеземных народностей»⁹.

Таким образом, на этапе становления Киргизской духовной миссии (1881–1895 гг.) её сотрудникам пришлось столкнуться с конкуренцией со стороны мусульманских проповедников – татарских, среднеазиатских и даже турецких, которые, несмотря на запрет администрации, продолжали активную пропаганду идей ислама среди казахского населения. Православные миссионеры в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. зафиксировали факт повсеместного распространения ислама среди казахов-кочевников Алтайского горного округа, их знакомство с обрядовой стороной ислама, соблюдение кочевниками мусульманского поста, пятикратной молитвы, использование мусульманских обычаев в семейно-брачной обрядности. Подчеркивалась популярность среди казахов получения исламского религиозного образования в учебных заведениях Казани и городах Средней Азии, а также паломничества в Мекку или Туркестан. В то же время миссионеры отмечали неглубокий уровень знаний канонов Корана среди казахов (что объяснялось незнанием арабского и персидского языков), отсутствие глубокой трансформации языческого религиозного сознания кочевников, синтез мусульманских и языческих обрядов, консерватизм мусульманского образования.

Косвенным свидетельством того, что ислам имел большее влияние в казахской степи, являются показатели деятельности Киргизской миссии за первый период. Несмотря на рост численности станов миссии (к моменту выделения её в самостоятельную в 1895 г. их насчитывалось пять) и все предпринятые православными миссионерами меры, в том числе, по ограничению распространения влияния ислама, обращение в христианство казахов Алтайского горного округа шло довольно медленными темпами. Доступные нам архивные материалы позволили установить, что в 1885 г. крещение приняли – 11, 1888 г. – 638, в 1892 г. – 25, в 1891 г. – 21, 1894 г. – 86 казахов обоего пола. Если исходить из того, что к 1901 г. численность казахского населения, проживающего в Алтайском горном округе, составляла 27953 человека (Anisimova 2004, S. 20), количество принявших православие не превысило, таким образом, 2,8%. Как правило, это были социально незащищенные слои казахской общины, новокрещенные казахи продолжали

⁸ ГААК. – Ф. 164. – Оп. 2. – Д. 8. - Л. 40об.

⁹ Отчет о деятельности Алтайской духовной миссии за 1895 г. – Томск, 1896. - С. 19.

демонстрировать «...сильное расположение к мусульманству», соблюдали мусульманские посты и праздники, устраивали поминки по мусульманской традиции. «...вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные»¹⁰.

Второй этап деятельности Киргизской миссии начался в 1895 г. – когда в результате образования Омской епархии в её ведение были переданы часть приходов Томской епархии и станы Киргизской миссии. Таким образом, с 1895 г. последняя выделилась из состава Алтайской духовной миссии, её центром стал г. Семипалатинск, а деятельность была перенесена с территории Алтайского горного округа в Семипалатинскую и Акмолинскую области Степного генерал-губернаторства. Тот факт, что миссионерам теперь придется работать в совершенно иных условиях, осознавали как религиозные, так и светские власти. Своеобразность ситуации заключалась в том, что казахское население Акмолинской и Семипалатинской областей вело более подвижный образ жизни, нежели население Алтайского округа, процесс оседания затронул его поверхностно. Принимался во внимание и факт более глубокого проникновения ислама в кочевую среду.

В этой связи генерал-губернатор Степного края Таубе считал, что миссионеры Киргизской миссии должны обладать определенными профессиональными качествами. «Эти лица, – писал он, – помимо богословского образования и высоких нравственных качеств, а также искреннего призвания к миссионерской деятельности, должны обязательно владеть киргизским языком в совершенстве, знать персидский и арабский языки, изучить основательно Аль-Коран, его толкование, а также магометанские богослужебные книги, обладать некоторыми медицинскими познаниями, достаточными для оказания первой врачебной помощи... в пище, одежде и своем образе жизни ничем не отличаться от киргиз»; «Приближаясь, таким образом, по внешнему виду к типу мусульманских мулл и сжившись с повседневной жизнью киргиз, миссионеры в первые годы проповеди христианства... на родном языке кочевников, легче всего найдут доступ к их сердцам». Барон Таубе также считал, что деятельность миссионеров не должна ограничиваться территориально одним районом. Поскольку казахи вели кочевой образ жизни, сами миссионеры должны кочевать из аула в аул «...под видом лекарей или торговцев и при удобном случае проповедовать Слово божие»¹¹.

Анализ отчетов за 1895-1914 гг. позволяет утверждать, что и миссионеры довольно объективно оценивали ситуацию и констатировали, что в отличие от Алтайского горного округа, на территории Семипалатинской и Акмолинской областей ислам имел еще большее влияние среди казахов-кочевников. Мулла-проповедник, по сообщению миссионеров, имелся практически в каждом ауле. «Муллы весьма близки к киргизам, живут вместе с ними их жизнью; вероучение и школы являются дружной спутницей их всегда и везде: кочуют ли они или живут оседло»¹². Подчеркивалось, что ислам развит повсеместно, все возрастные категории и социальные группы казахского общества являлись приверженцами ислама, при этом главную роль в деле проведения

¹⁰ ГААК. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 135. - Л. 40

¹¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 436. – Л. л. 30–30об

¹² Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1900. – №14. – 15 июля. – С. 11.

мусульманских идей продолжали играть татарские муллы. Миссионер Буконьского (Преображенского) стана в 1899 г. в этой связи писал: «...тяжело одному миссионеру бороться с магометанским лжеверием на громадном пространстве 55000 кв. верст при 95000 мусульман со множеством аульных и волостных мулл и фанатичных татар из Казани, поселившихся среди киргиз под именем чалоказахов». «...Весьма прискорбно наблюдать, – продолжал он, – что с каждым годом киргизы в районе Буконьского стана крепнут в учении ислама, и обращение их в Христианство с каждым годом становится все труднее и труднее»¹³.

Наибольшему влиянию исламских проповедников в Долонском стане были подвержены казахи Аккульской и Бескаракайской волостей, на территории которых находилось «...2 деревни с татарским населением, более фанатичным в религиозном плане, и 4 мечети со школами». Подобная ситуация фиксировалась повсеместно, причем миссионеры подчеркивали, что среди казахов ислам не только закрепляется как религия, но и «... мусульманский фанатизм между степняками-киргизами все более и более развивается»¹⁴. Наряду с татарскими муллами в казахской степи появилось большое количество мусульманских проповедников из местной этнической среды. Так, миссионер Татарского стана в 1909 г. писал: «В каждом киргизском ауле есть свой мулла, который обучает детей мусульманской грамоте и предстоит в общественных намазах. Муллы эти – по большей части самые обыкновенные киргизы, умеющие читать Коран и вообще до некой степени знающие мусульманскую грамоту. Все их познание в своей специальности сводится к знанию и исполнению обрядовой стороны ислама, доходящего до фанатизма, чем они и щеголяют перед своими братьями-киргизами»¹⁵.

По сообщениям миссионеров, исламские проповедники вели активную антиправославную пропаганду среди казахов-мусульман и новообращенных казахов. Особенно эта работа усилилась в годы русской революции 1905-1907 гг. Например, в 1906 г. после провозглашения Манифеста о свободе вероисповедания в степи появились «печатные экземпляры прошения на имя губернатора, где духовенство (православное. – авт.) настойчиво обвиняется в насилии и хитрости в отношении крещеных инородцев. Эта готовая форма прошения печатана в Казанской типографии Каримовых и достигла наших крещенных, которым, следовательно, представляется только подписать своё имя и фамилию, если они грамотны, а если неграмотны, то и за них кто-нибудь распишется»¹⁶. В Атбасарском стане в конце XIX в. деятельность миссионера была вообще направлена «...не на распространение Христианской веры среди киргиз, а на охранение христиан, имеющих шаткие религиозные убеждения от преобладания массы магометан. Такие неустойчивые христиане есть как между киргизами прежде окрещенными, так и между русскими, ...живущими далеко от русских селений»¹⁷. Тревогу били не зря, поскольку уже были известны случаи обращения русских в мусульманство. Так, буконьский миссионер сообщал, что коллежский регистратор некто Ризенко «...принял обрезание, совершал намаз, жил с киргизкой, имел от неё детей»¹⁸.

По сообщениям миссионеров, значительно осложнились отношения между ними и населением степи, по сравнению с предшествующим периодом.

¹³ Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). – 1900. – №14. – 15 июля. - С. 9.

¹⁴ 26. Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. – 1900. – №18. – 15 сентября. - С. 10.

¹⁵ Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // ОЕВ. – 1910. – №9. – 1 мая. - С. 37

¹⁶ Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1906 г. // ОЕВ. – 1907. – №12. – 15 июня. - С. 12.

¹⁷ Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. – 1900. – №20. – 15 октября. - С. 12.

¹⁸ Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // ОЕВ. – 1899. – №19. – 1 октября. - С. 6.

«Магометанский проповедник... вселил ненависть и вражду к христианам в сердцах последователей его учения, что явно выражают киргизы...»¹⁹. Предлагаемое миссионерами учение Христово «...киргизы слушали неохотно, и некоторые даже лицемерно». «Там, где киргизы более омусульманились, они неохотно вступают в беседы с миссионером, ...всеми мерами уклоняются от беседы с миссионером, ...избегают миссионеров под влиянием мулл»²⁰.

В отличие от утвердившегося в историографии мнения о том, что ислам в конце XIX – начале XX в. проник в казахское общество поверхностно и не затронул значительно повседневную жизнь кочевников, миссионеры приводили в отчетах факты, позволяющие поставить под сомнение этот тезис. Например, в отличие от начального этапа деятельности миссии возникла проблема общения с женщинами-казахками, которые по канонам ислама не имели права общаться с посторонними мужчинами. Так, например, миссионер Владимирского стана в 1911 г. писал, что в связи с тем, что большинство мужской части находилось на заработках у русских крестьян и казаков, в аулах, которые он посетил, ему «...приходилось больше видеть одних женщин и детей, на беседы с которыми о предметах веры мы не могли и рассчитывать, так как женщина, по мусульманскому закону, не должна не только разговаривать с посторонним мужчиною, но даже и смотреть на него»²¹.

Для решения возникшей проблемы была предпринята попытка привлечения к работе в Киргизской миссии женщин, принявших постриг. В центральном стане миссии была открыта в 1902 г. женская православная община²². Обращает на себя внимание и факт отсутствия упоминаний миссионерами в отчетах каких-либо реликтов доисламских верований и культов, в отличие от предшествующего периода.

Накануне Первой мировой войны условия миссионерской деятельности среди казахского населения ещё более осложнились. Если раньше, ещё на рубеже XIX-XX вв., миссионер мог свободно приезжать в степь и вести пропаганду, теперь его деятельность становилась полуправильной. Миссионер Татарского стана Филипп Дьяков в этой связи в 1909 г. писал: «...выезжая теперь в степь, намечаешь себе известный пункт, обыкновенно какое-нибудь русское селение, ...и пробираешься туда через киргизские аулы, делая остановки в них якобы для отдыха и корма лошадей. ...приюта приходится добиваться с ещё большими затруднениями. ...приходится маскировать миссионерские поездки, чтобы для киргиз наши посещения казались как бы случайными»²³. События первой русской революции 1905-1907 гг., по мнению миссионеров, крайне отрицательно отразились на работе миссии. Царский манифест о свободе вероисповедания, опубликованный 17 апреля 1905 г., явился причиной «...прискорбного явления – отпадения новокрещенных в магометанство»²⁴.

В 1905-1906 гг. Семипалатинскому военному губернатору стали поступать заявления новокрещенных казахов о том, что «...они не желают оставаться в православии, ссылаясь иногда на то, что их крестили силой или обманом»²⁵. «Отпадшие от православия некоторые находятся в безвестном отчуждении. Искать их в степи и увещевать в нынешнее время для миссионера – дело неудобноисполнимое, так как без содействия администрации их не найти, а

¹⁹ Отчет о Киргизской миссии за 1899 г. // ОЕВ. – 1900. – №16. – 15 августа. - С. 6.

²⁰ Там же. - С.7.

²¹ Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1911 г. // ОЕВ. – 1912. – №20. – 15 октября. - С13

²² Отчет о состоянии Киргизской миссии за 1902 г. // ОЕВ. – 1903. – №10. – 15 мая. - С. 23.

²³ Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // ОЕВ. – 1910. – №9. – 1 мая. - С. 24.

²⁴ Отчет о состоянии Киргизской миссии за 1905 г. // ОЕВ. – 1906. – №12. – 15 июня. - С. 42–43.

²⁵ Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1906 г. // ОЕВ. – 1907. – №12. – 15 июня. - С. 12.

прибегать в помощи администрации можно было только до Манифеста о вероисповедной свободе. ...от встречи с миссионером отпадшие уклоняются»²⁶.

До этих событий и так не слишком большое количество новокрещенных Киргизской миссии начинает сокращаться. Изменилось и настроение самих миссионеров. В начальный период своей деятельности, несмотря на незначительные успехи в деле обращения в православие, большинство из них были полны оптимизма и уверенности в том, что все трудности, в том числе и конкуренция исламских проповедников, преодолимы. Теперь, после сравнения степени организации православного миссионерства и мусульманского в казахской степи, в отчетах миссионеров появляются пессимистичные мысли о том, что противостоять такой сплоченной и хорошо организованной массе мусульманских проповедников практически невозможно. В лучшие годы своей деятельности Киргизская миссия могла противопоставить ей лишь не более 9 миссионеров-священников. Сами миссионеры уже не выдвигали никаких идей, связанных с совершенствованием методики своей работы, не просили финансовой поддержки у светских и духовных властей. Они понимали, что момент, когда религиозное сознание казахов можно было бы повернуть в лоно православия, уже упущен, не питали на этот счет иллюзий и осознавали провальность миссии.

Тревогу бил лишь её начальник, который постоянно указывал на необходимость ужесточения государственных мер по ограничению ислама в казахской степи, призывал привлечь к работе в миссию православных крестьян-переселенцев. Но начавшаяся Первая мировая война свела на нет все его начинания. Занятое военными проблемами государство практически отстранилось от дел, количество станов миссии и её финансирование постоянно сокращались, а с 1915 г. перестали публиковаться и её годовые Отчеты о деятельности.

Таким образом, анализ отчетов Киргизской миссии, действующей на территории Алтайского горного округа, а затем Семипалатинской и Акмолинской областей Степного генерал-губернаторства, позволяет утверждать, что с 70-х гг. XIX вв. до начала Первой мировой войны произошло значительное укрепление позиций ислама в казахской степи. При неглубоком знании религиозно-философской системы ислама казахам была знакома его обрядовая сторона. В то же время нужно относиться критически к имеющейся в отчетах информации о степени распространения ислама среди казахского населения и учитывать то обстоятельство, что деятельность Киргизской миссии происходила в весьма своеобразных исторических условиях, когда шел процесс консолидации казахского этноса.

Как известно, в ходе этнических консолидационных процессов активно формируется этническое самосознание и представление о собственной монолитности и обособленности, что способствует четкому противопоставлению «себя» соседним, подчас родственным этносам. Здесь огромную роль играет и религиозная составляющая. В некоторых районах, например юга Западной Сибири, процесс распространения православия сыграл положительную роль и выступал дополнительным фактором этнической консолидации некоторых групп населения (Sherstova 2007, S. 89-104).

В Казахстане имели место обратные процессы – конфессиональный фактор (православное миссионерство) воплощал этноразделительную функцию и укреплял собственную этничность казахского народа. Ислам

²⁶ Записки миссионера Татарского стана Киргизской миссии за 1909 г. // ОЕВ. – 1910. – № 9. – 1 мая. - С. 36.

осознавался казахским населением как этнический компонент, признак, отличающий их от русских крестьян-переселенцев. На рубеже XIX-XX вв. он превращался в еще более этноразделительный барьер между русскими и казахами, препятствуя процессу аккультурации и ассимиляции.

Деятельность Киргизской миссии разворачивалась так же на общем фоне консолидации мусульман Российской империи, создания ими массовых религиозных организаций. Поэтому православная церковь и тем более её миссионерская деятельность воспринимались как проявление колониальной политики империи по отношению к нерусским народам и вызывали соответствующее неприятие и отчуждение (Ishakov 2003, S. 62–73). Укрепление позиций ислама стало, таким образом, защитной реакцией казахского общества на процесс колонизации региона Российской империей, а не результатом внутреннего саморазвития казахского этноса. К примеру, открытие первого стана Киргизской миссии в Акмолинской области вызвало широкий резонанс в степи. По сообщению генерал-губернатора Степного края Таубе, в результате поездки епископа Тобольского в регион в 1899 г. «среди последних (казахов. – авт.) началось брожение умов, выразившееся в толках о насильственном обращении в христианство и самовольных сборищах с целью ходатайствовать у правительства назначения для киргиз особого муфтия, который был бы защитником мусульманской веры»; «...для этой цели неоднократно составлялись незаконные сборища, сначала в волостях, а потом на чрезвычайных съездах биев в станице Арык-Балакской. На этих сборищах... угрожали киргизам, что их будут силой обращать в христианскую веру»²⁷. Проникновение ислама и его традиций в кочевую среду, бытовую культуру казахов, хотя и наложило отпечаток на весь их жизненный уклад, однако не повлекло за собой полного исчезновения домусульманского этнокультурного компонента. Последний продолжал функционировать, приспособившись к новым условиям, образуя синкретические системы.

Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Анисимова И.В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа (вторая половина XVIII – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004.
2. Бейбит С.А. Казахстан: религии и межконфессиональные отношения // Центральная Азия и Кавказ. – 2002. – №20 (20).
3. Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргиз // Собр. соч. – Алма-Ата, 1976. – Т. 5.
4. Гейер И. Ишаны: материалы к изучению бытовых черт мусульманского населения Туркестанского края // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. – Ташкент, 1891. – Т. 1.
5. Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – СПб., 1796. – Ч. 2.
6. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. – М., 2001.1.
7. Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – 2003. – №5.
8. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. 3.
9. Лысенко Ю.А. Итоги деятельности Киргизской миссии на этапе её становления // Материалы международной научной конференции «Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая» (23–24 ноября 2006 г.). – Горно-Алтайск, 2006.
10. Милославский Г.В. Интеграционные процессы в мусульманском мире. – М., 1991.
11. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. – Алма-Ата, 1992.
12. Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1809. – Ч. 3.

²⁷ ЦГА РК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 458. – Л. 2–8.

13. Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. – СПб., 1772.
14. Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов (историко-педагогический очерк). – Алма-Ата, 1991.
15. Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. – 2000. – №4 (11).
16. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). – Алма-Ата, 1991.
17. Шерстова Л.И. Религия и этнос: проблема взаимодействия (на сибирских материалах XVII – начала XX вв.) // Исторические и философские исследования в Сибири. – Томск, 2007.

Reference

- Anisimova 2004 – Anisimova, IV 2004, *Istoriya formirovaniya kazahskoy diaspori Altayskogo (gornogo) okruga (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.)* : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk, Barnaul (in Rus).
- Beybit 2002 – Beybit, SA 2002, Kazakhstan: religii i mezhkonfessionalnyie otnosheniya, *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz*, № 20 (20) (in Rus).
- Geyer 1891 – Geyer, I 1891, Ishanyi: materialy k izucheniyu bytovyih chert musulmanskogo naseleniya Turkestanskogo kraya, *Sbornik materialov dlya statistiki Syir-Darinskoy oblasti*, Tashkent, T. 1 (in Rus).
- Georgi 1976 – Georgi, IG 1976, *Opisanie obitayuschih v Rossiyskom gosudarstve narodov, takzhe ih zhiteyskih obryadov, ver, obyikoveniy, zhilisch, odezhd i prochih dostopamyatnostey*, Sankt-Petersburg, Ch. 2 (in Rus).
- Islam v Rossiyskoy imperii 2001 - *Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatelnyie aktyi, opisaniya, statistika)* 2001, Editor. Arapova, DYU, Moskow (in Rus).
- Ishakov 2003 – Ishakov, SM 2003, Pervaya rossiyskaya revolyutsiya i musulmanskoe dvizhenie, *Otechestvennaya istoriya*, № 5 (in Rus).
- Levshin 1832 – Levshin, AI 1832, *Opisanie kirgiz-kazachih ili kirgiz-kaysatskih ord i stepey*, Sankt-Petersburg, Ch. 3 (in Rus).
- Lyisenko 2006 – Lyisenko, YuA 2006, Itogi deyatelnosti Kirgizskoy missii na etape eYo stanovleniya, *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Aktualnyie problemy etnicheskoy, kulturnoy i religioznoy tolerantnosti korennyih narodov Russkogo i Mongolskogo Altaya»*, Gorno-Altaysk (in Rus).
- Miloslavskiy 1991 – Miloslavskiy, GV 1991, *Intergatsionnyie protsessyi v musulmanskom mire*, Moskow (in Rus).
- Mustafina 1992 – Mustafina, RM 1992, *Predstavleniya, kultyi, obryady u kazahov*, Alma-Ata (in Rus).
- Pallas 1809 – Pallas, P 1809, *Puteshestvie po raznyim provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva*, Sankt-Petersburg, Ch. 3 (in Rus).
- Ryichkov 1772 – Ryichkov, N 1772, *Dnevnyie zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Ryichkova v kirgiz-kaysatskoy stepi v 1771 g.*, Sankt-Petersburg, (in Rus).
- Sabitov 1991 – Sabitov, N 1991, *Mekteby i medrese u kazahov (istoriko-pedagogicheskiy ocherk)*, Alma-Ata (in Rus).
- Sultangalieva 2000 – Sultangalieva, G 2000, «Tatarskaya» diaspora v konfessionalnyih svyazyah kazahskoy stepi (XVIII–XIX vv.), *Vestnik Evrazii*, № 4(11) (in Rus).
- Toleubaev 1991 – Toleubaev, AT 1991, *Relikty doislamskih verovaniy v semeynoy obryadnosti kazahov (XIX – nachalo XX vv.)*, Alma-Ata (in Rus).
- Sherstova 2007 – Sherstova, LI 2007, Religiya i etnos: problema vzaimodeystviya (na sibirskih materialah XVII – nachala XX vv.), *Istoricheskie i filosofskie issledovaniya v Sibiri*, Tomsk (in Rus).
- Valihanov 1976 – Valihanov, ChCh 1976, Sledyi shamanstva u Kirgiz, *Sobranie sochineniy*, Alma-Ata, T.5 (in Rus).

Қырғыз православтық миссиясының миссионерлері XIX–XX ғасырлар тоғысындағы қазақстандық қоғамның исламдану дәрежесі жайында

Лысенко Юлия Александровна

тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университетінің шығыстану кафедрасының профессоры. 656023 Ресей, Барнауыл қ., Ленин д., 61, ауд. 316. E-mail: iulia_199674@mail.ru.

Түйін. Мақалада XIX ғ. аяғы мен XX ғ. басындағы қазақтардың діни бірізділігінің қалыптасу тарихы жайлы баяндалады. Православтық шіркеудің алтай және қырғыз миссияларының есеп материалдары негізінде қазақ халқының діни өмірінің жағдайы мен түрлеріне талдау жасалады, халықтың тұрмысы мен мәдениетіне ислам дінінің ену дәрежесіне баға беріледі. Сондай-ақ мақалада қазақ қауымдастығының рухани өмірін ұйымдастырудағы мұсылман руханиятының (мұсылман молдаларының) рөлі мен православтық миссия өкілдерінің Алтай және қазақ даласындағы мұсылман қауымымен жұмыстарының ерекшелігі мәселесі назарға алынады.

Түйін сөздер: ислам; Қазақстандағы ислам; діни саясат; исламдандыру; молдалар; православиені тарату; Қырғыз православтық миссиясы.

Missionaries of Kyrgyz Orthodox Mission about the degree of Islamization of Kazakh society at the turn of XIX-XX centuries.

Lysenko Yuliya Aleksandrovna

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Altai State University. 656023 Russia, Barnaul, 61 Lenin Avenue, Office 316. E-mail: iulia_199674@mail.ru

Abstract. The article reveals the history of the formation of religious identity of Kazakhs at the end of XIX – beginning of XX centuries. Based on materials and reports of Altai and Kyrgyz Orthodox Church missions, it analyzes the status and forms of religious life, assesses the degree of penetration of Islam in daily life, the culture of the Kazakh people. The article also focuses on understanding the role of Muslim religious leaders (Muslim mullahs) in organizing the spiritual life of the Kazakh community; features work of Orthodox mission leaders with the Muslim population in the Altai and Kazakh steppe.

Keywords: Islam; Islam in Kazakhstan; religious policy; Islamization; Mullah; the spread of Orthodoxy; Kyrgyz Orthodox mission.